

Реконкиста

Сергей Абдалов

18+

Сергей Абдалов

Реконкиста

«Автор»

2026

Абдалов С.

Реконкиста / С. Абдалов — «Автор», 2026

Сюжет разворачивается вокруг вторжения древних, непостижимых существ — «Хозяев», которые возвращаются на Землю, чтобы провести очередной «цикл очищения» и восстановить свой стерильный порядок. Через судьбы солдат на блокпосту, учёных, офицеров и простых людей из провинциального городка раскрывается столкновение абсолютного порядка и хаоса жизни. Герои, оказавшись на грани безумия и уничтожения, находят неожиданное оружие против непобедимого врага — иррациональность, эмоции, человеческую волю к свободе.

© Абдалов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Реконкиста	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сергей Абдалов

Реконкиста

Реконкиста

В тот вечер, когда багровое солнце, словно истекая кровью, скрылось за горизонтом, на блокпосту воцарилась неестественная тишина. Она была густой, вязкой, как смола, и давила на уши сильнее любого грохота. Солдаты, чьи лица были серы от усталости и тревоги, всматривались в чернеющую громаду леса, раскинувшегося напротив их укреплений. Лес этот был не просто скоплением деревьев — это была безмолвная, древняя стена, скрывавшая тайны, о которых лучше не знать.

Ветер, обычно приносивший с собой запахи хвои и сырой земли, стих. Воздух стал неподвижным и тяжёлым, пропитанным запахом озона и чего-то ещё... чего-то сладковато-гнилого, что вызывало тошноту и липкий, иррациональный страх. А потом из-за этой живой стены донёлся звук.

Сначала это был низкий, утробный гул, от которого завибрировали кости и заныли зубы. Он не был похож на оживший. Но это была не жизнь птиц или зверей. Это была агония гигантских, неведомых существ. Раздался оглушительный хруст ломающихся вековых стволов, будто невидимые титаны прокладывали себе путь сквозь чащу. Земля под ногами солдат задрожала от тяжёлых, размеренных шагов, каждый из которых отдавался в груди глухим ударом погребального колокола.

Капитан Риттер, побелевшими пальцами вцепившись в бруствер, почувствовал, как ледяной ужас сковывает его разум. Он смотрел в непроглядную тьму между стволами и понимал: то, что идёт оттуда, не имеет права на существование в этом мире. Это были не люди. И даже не звери. Это было нечто пришедшее извне, из-за пределов звёзд, чтобы забрать то, что принадлежит ему по праву первородного хаоса.

***

Сержант Ковалёв, ветеран с лицом, испещрённым морщинами от ветра и солнца, первым нарушил оцепенение. Его голос, обычно грубый и уверенный, теперь дрожал, как струна на ветру.

— К орудиям! — прохрипел он, но команда прозвучала не как приказ, а как мольба. — Заряжай! Цель... цель на опушку!

Двое молодых бойцов, чьи руки тряслись так сильно, что они едва могли удержать патроны, бросились к станковому пулемёту ДШК. Щелчок затвора прозвучал жалко и одиноко в наступившей тишине, которая была страшнее любого грохота. Звук шагов в лесу прекратился так же внезапно, как и начался. Наступила пауза — невыносимая, звенящая, полная ожидания.

А затем из тьмы между деревьями начало проступать нечто. Это не было фигурой в привычном понимании. Скорее, это было *нарушение* самой ткани реальности. Воздух над землёй пошёл рябью, словно над раскалённым асфальтом, но вместо жара от него веяло косми-

ческим холодом. Пространство изгибалось и корчилось, формируя силуэты, от вида которых разум отказывался принимать действительность.

Они были огромны. Их верхние конечности или то, что их заменяло, цеплялись за кроны деревьев, срывая их с корнем с безразличием ребёнка, ломающего игрушки. Их тела не имели чётких очертаний; они переливались всеми цветами, которых нет в человеческом спектре — тошнотворными оттенками ультрафиолета и инфрасепии.

Гул возобновился, но теперь он стал осмысленным. В этом вибрирующем звуке угадывались слова, произнесённые на языке безумия и энтропии.

— Йа... йа... — начал было радист ефрейтор Зуев, записывая сигналы в журнал дрожащей рукой, но тут же с криком отбросил карандаш. Карандаш покатился по земле, оставляя за собой след густой, чёрной жидкости, похожей на смолу.

Капитан Риттер смотрел на это явление, и его рассудок начал трещать по швам. Он вспомнил старые карты этой местности, найденные в архивах штаба перед развертыванием поста. Здесь никогда не было леса. Всего пятьдесят лет назад здесь простиралась выжженная степь с редкими холмами.

Лес вырос сам.

За одну ночь.

После того как в этих краях упал метеорит — или то, что приняли за метеорит.

Теперь он знал.

Это были не захватчики.

Это были «хозяева», вернувшиеся в свой дом.

Существа вышли на свет прожекторов блокпоста. Свет не отражался от их тел, а словно бы проваливался внутрь них, исчезая в ненасытной бездне. У них не было лиц в нашем понимании, лишь гладкие поверхности, на которых случайным образом возникали и исчезали глаза — тысячи глаз разного размера и цвета, смотревшие одновременно во все стороны.

Пулемётчик нажал на гашетку. Очередь трассирующих пуль устремилась к цели. Пули достигли существ и... просто исчезли. Не было ни искр, ни крови. Снаряды просто перестали существовать, коснувшись их переливающейся плоти.

А затем одно из существ наклонилось. Из его бесформенной массы вытянулся отросток — длинный, сегментированный щуп с когтем на конце. Коготь вонзился в землю всего в десяти метрах от окопов. Почва вздыбилась и почернела. Трава мгновенно пожухла и рассыпалась в прах.

Сержант Ковалёв упал на колени, закрывая голову руками.

— Господи... — прошептал он, но слово застряло в горле.

Потому что «Господа» здесь не было.

Здесь были только они.

И лес за их спинами начал петь в унисон с инопланетным гулом.

***

Звук, исходивший из леса, уже нельзя было назвать гулом или стоном. Это была песня. Она не имела мелодии в человеческом понимании, но обладала ритмом — древним, пульсирующим, как биение сердца спящего под горой исполина. Эта вибрация проникала сквозь стальные каски, сквозь бронезилеты, сквозь кожу и кости, достигая самого мозга. Она не звучала в ушах — она звучала внутри.

Капитан Риттер почувствовал, как его мысли начинают путаться. Линии на его карте, цифры координат, тактические схемы — всё это расплывалось, превращаясь в бессмысленные каракули. На их место приходили образы. Он видел не свой блокпост, а бескрайний океан кипящей слизи под чужим небом. Он видел города, построенные из живого камня, которые дышали и пульсировали. Он видел себя — крошечную, ничтожную пылинку, ползущую по поверхности гигантского, покрытого грибами шара.

Рядом с ним ефрейтор Зуев начал смеяться. Это был не истерический смех испуганного человека. Это был смех человека, который внезапно постиг великую истину, слишком ужасную для слабого человеческого разума.

— Они... они просто существуют, — бормотал он, глядя в пустоту широко раскрытыми, безумными глазами. — Мы думали, что мы главные. Мы думали, что это *наш* мир. А это просто... прихожая.

Сержант Ковалёв с трудом поднялся на ноги. Его лицо было мокрым от пота и слёз, но в глазах горела искра упрямства. Он схватил Риттера за плечо и с силой встряхнул.

— Капитан! Очнитесь! Мы должны... мы должны доложить!

Но докладывать было некому. Рация молчала уже несколько часов. Не было ни помех, ни белого шума. Просто мёртвая тишина в эфире, словно сам воздух перестал проводить радиоволны. Мир сжался до размеров этого клочка земли: бетонные блоки, колючая проволока и стена леса, из которой сочилась тьма.

Одно из существ медленно повернуло свою «голову» в сторону блокпоста. В этот момент на его поверхности сформировался огромный глаз — не круглый, а вытянутый вертикально, с вертикальным зрачком, похожим на трещину в реальности. Глаз уставился прямо на Риттера. Капитан ощутил не взгляд, а *давление*. Словно на его разум опустилась непомерная тяжесть, пытаясь раздавить его личность, стереть его «я», оставив лишь пустую оболочку.

Внезапно песня оборвалась.

Наступившая тишина была оглушительной. Солдаты замерли, боясь даже дышать. Существо сделало шаг вперёд. Земля содрогнулась так сильно, что один из бетонных блоков треснул. Из леса за спиной гиганта начали выходить другие. Десятки. Сотни. Они не шли строем — они текли, переливаясь через опушку сплошной волной переливающейся плоти и искажённого пространства.

Сержант Ковалёв вскинул автомат. Это был жест отчаяния, бесполезный ритуал перед лицом неизбежного.

— Огонь! — закричал он сорванным голосом.

Грохот выстрелов разорвал тишину. Пули летели в цель и исчезали, не оставляя следов. Существа не ускорили шаг и не замедлили его. Они просто приближались с неумолимостью прилива.

И тогда Риттер увидел самое страшное.

Лес за существами начал меняться. Деревья изгибались под невозможными углами, их ветви сплетались в узлы, напоминающие иероглифы давно вымерших рас. Кора на стволах лопалась, обнажая пульсирующую розовую плоть. Из-под корней выползали лианы, покрытые слизью и мелкими, светящимися спорами.

Это был не просто лес.

Это был организм.

И существа были не захватчиками.

Они были его частью.

Его антителами.

Его иммунной системой, пришедшей очистить территорию от паразитов.

Ковалёв выпустил последний магазин и отбросил автомат в сторону.

— Всё... всё кончено, — прошептал он.

Риттер посмотрел на своих людей. Молодые бойцы сидели на дне окопа, обхватив головы руками. Зувев раскачивался из стороны в сторону и напевал что-то на языке, которого не могло быть на Земле.

Капитан достал пистолет. Холодная сталь немного отрезвила его. Он посмотрел на приближающихся гигантов. На их бесстрастные лица-гладь. На тысячи глаз, следящих за каждым его движением.

Он не мог победить их.

Он не мог даже ранить их.

Но он мог выбрать как уйти.

Он поднял ствол к виску.

В последний момент он увидел, как одно из существ остановилось прямо перед ним. Оно наклонилось так низко, что его «лицо» оказалось в метре от лица капитана. И на этой гладкой поверхности начал формироваться рот — безгубая щель, из которой не могло исходить звуков нашего мира.

Но Риттер услышал голос прямо у себя в голове:

«Ты понял».

Это не было злобой или торжеством победителя. Это было простое утверждение факта. Как если бы биолог констатировал смерть лабораторной мыши после успешного эксперимента.

Палец капитана дрогнул на спусковом крючке...

***

Выстрел так и не прозвучал.

Вместо этого мир вокруг блокпоста начал искажаться с пугающей скоростью. Реальность стала податливой, как горячий воск. Вертикальные линии бетонных стен начали изгибаться дугой к центру неба, а горизонт словно провалился вниз, образуя гигантскую чашу. Звёзды над головой вспыхнули ярче обычного и начали медленно вращаться против часовой стрелки, складываясь в созвездия, которых нет ни в одном астрономическом атласе человечества.

Сержант Ковалёв почувствовал, как гравитация меняет вектор. Ему показалось, что он падает не вниз, а вверх — в чёрное небо к вращающимся светилам. Желудок подступил к горлу, но тошнота была вызвана не физиологией, а самой сутью бытия, выворачиваемого наизнанку.

Капитан Риттер опустил пистолет. Оружие казалось ему теперь игрушкой из другого сна. Существо перед ним выпрямилось во весь свой исполинский рост, заслоняя собой звёзды и луну. Его тело перестало переливаться хаотичными цветами и стало абсолютно чёрным — чернее самой тьмы между галактиками. Эта чернота поглощала свет прожекторов блокпоста так жадно, что вокруг гиганта образовался ореол абсолютного мрака.

Из этого мрака вытянулось щупальце — или то, что лишь выглядело как щупальце для человеческого восприятия. Оно было тонким по сравнению с телом гиганта, но всё равно достигало толщины телеграфного столба. Конец щупальца завис перед лицом Риттера всего в нескольких сантиметрах от его носа.

Капитан ожидал боли или прикосновения чего-то склизкого и холодного. Но вместо этого он ощутил холод разума. Это был холод межзвёздного вакуума, температура абсолютного нуля не тела, а души.

Щупальце не коснулось его кожи физически. Оно коснулось его воспоминаний.

Риттер увидел своё детство: вот он бежит по полю васильков недалеко от родной деревни... Но поле было серым и безжизненным, а васильки — чёрными кристаллами с острыми гранями. Он увидел свою первую любовь... Но её лицо было размытым пятном, а голос звучал как скрежет металла по стеклу. Он увидел момент принятия присяги... Но флаг за спиной командира был не триколором, а полотнищем из живой плоти, которое билось на ветру как сердце.

Существо копалось в его голове, стирая человеческое прошлое и заменяя его фрагментами чуждой реальности. Риттер закричал бы от ужаса, если бы у него остались лёгкие для крика или разум для осознания ужаса.

Рядом с ним ефрейтор Зуев встал во весь рост. Его глаза были пусты и белы, как у слепца.
— Я вижу их город! — восторженно выкрикнул он в небо. — Он прекрасен! Он построен из наших кошмаров!

И тут же он начал меняться. Его кожа пошла волнами цвета индиго и охры. Пальцы на руках начали удлиняться, суставы трещали, перестраиваясь по новой анатомии. Форма рядового превратилась в лохмотья на теле существа лишь отдалённо гуманоидного вида.

Ковалёв схватил Риттера за рукав с неожиданной силой:
— Не смотри им в глаза! Не слушай их! Закрой разум!

Но было поздно для советов. Щупальце коснулось лба капитана последним касанием — словно печать на конверте с приговором.

В голове Риттера прозвучал последний аккорд «песни». Это была чистая информация, сжатая до предела: «Цикл завершается».

И мир погас для него.

***

Когда сознание вернулось к капитану (если это слово применимо к тому состоянию бытия, в котором он оказался), он обнаружил себя стоящим посреди бескрайней равнины под небом цвета индиго с двумя лунами: одна багровая и огромная, другая маленькая и зелёная.

Блокпоста не было.

Леса не было.

Земли в привычном понимании тоже не было. Почва под ногами была упругой и тёплой, она ритмично пульсировала в такт какому-то далёкому сердцебиению.

Вокруг него стояли его солдаты... или то, что от них осталось. Ковалёв стоял неподвижно как статуя; его кожа стала полупрозрачной, сквозь неё просвечивали пульсирующие сосуды с жидкостью цвета расплавленного золота. Зуев куда-то исчез или растворился в воздухе полностью.

А впереди...

Впереди возвышались они.

Гиганты больше не казались такими огромными по сравнению с ландшафтом этого места. Они были здесь дома. Они стояли неподвижно вокруг группы людей (или того, что когда-то было людьми), образуя идеальный круг.

Риттер посмотрел на свои руки. Кожа была цела... но он чувствовал каждую мышцу своего тела так отчётливо, словно мог управлять ими на атомарном уровне. Он чувствовал запахи тысяч миров одновременно: озон после грозы на Венере (если у Венеры есть грозы), аромат цветущих минералов на спутниках Юпитера (если у них есть минералы), запах времени... сырого времени...

Он поднял взгляд на гигантов. Теперь он видел их иначе. Он видел структуру их тел — сложную фрактальную геометрию гиперпространственных узлов. Он видел их истинную форму: они были не просто существами из плоти (или того, что заменяло им плоть). Они были конструкторами. Архитекторами реальностей.

Один из них шагнул вперёд из круга. Это был тот самый гигант с вертикальным глазом.

«Ты звал нас», — прозвучал голос прямо в сознании капитана Риттера.

«Я?.. Нет... Я никогда...»

«Ты звал нас своим страхом», — перебил голос без интонаций. «Вы все зовёте нас своим страхом перед неизвестным. Вы строите свои города там, где нам положено спать».

«Мы не знали...»

«Знание не имеет значения», — гигант сделал ещё один шаг. «Значение имеет только цикл».

Риттер вдруг понял всё до конца со страшной ясностью нового восприятия. Метеорит пятьдесят лет назад был не случайностью. Это был сигнал пробуждения от долгого сна после предыдущего цикла «очистки». Люди пришли сюда позже... построили свои посты... нарушили покой древних сил своей суетой и шумом машинных мыслей (радиоволн).

И теперь цикл завершался снова.

Гигант протянул конечность к небу и коснулся одной из лун — зелёной. Луна начала стремительно расти в размерах, приближаясь к планете с невозможной скоростью...

«Вы станете частью фундамента», — сказал голос последнее предложение перед тем, как реальность окончательно схлопнулась для капитана Риттера в точку сингулярности чистого знания...

***

На следующее утро поисковая группа нашла блокпост №17 «Северный».

Он был абсолютно пуст.

Ни тел солдат 2-го мотострелкового взвода капитана Риттера (личный номер 74821), ни следов боя обнаружено не было.

Лишь бетонные плиты были покрыты странным узором из тонких трещин, складывающихся в идеальную спираль Фибоначчи до самого центра плаца...

А лес напротив поста исчез так же внезапно, как и появился пятьдесят лет назад.

Степь снова была пустой и выжженной солнцем до самого горизонта...

До следующего цикла очищения...

***

Поисковая группа, отправленная к блокпосту №17, вернулась в штаб на закате следующего дня. Их доклад был краток, сух и лишён эмоций, свойственных человеческому страху, потому что то, что они увидели, выходило за рамки привычного ужаса. Это было нечто иное — холодное, рациональное неверие в основы собственного существования.

Капитан Ермаков, командир роты обеспечения, положил на стол перед начальником штаба, полковником Свиридовым, планшет с фотографиями. Свиридов, человек старой закалки, прошедший не одну горячую точку, надел очки и придвинул экран ближе. Его лицо, обычно каменное, дрогнуло.

На фотографиях был блокпост. Целый и невредимый. Бетонные блоки стояли ровно, колючая проволока была натянута туго. В окопе лежал цинк с патронами. На столе в блиндаже стояла кружка с недопитым холодным чаем, на поверхности которого застыла радужная плёнка масла. Всё выглядело так, будто солдаты просто вышли на минуту покурить.

Но их не было.

Ни живых, ни мёртвых.

Ни единой капли крови.

Ни гильзы.

Ни следов волочения.

— Осмотрели каждый метр, — глухо произнёс Ермаков, глядя в пол. — Собаки... собаки отказались идти в лес. Просто сели и завывали. Пришлось уводить.

Свиридов молча перелистывал снимки. Вот рация «Арбалет» — включена, индикатор горит зелёным. Вот журнал дежурств. Последняя запись датирована вчерашним вечером: «19:45. Тишина. Ждём смену». Почерк ровный, аккуратный. Почерк Риттера.

Полковник отложил планшет и снял очки. Он потёр переносицу, пытаясь унять внезапно нахлынувшую головную боль.

— А лес? — спросил он, хотя уже знал ответ.

— Лес исчез, товарищ полковник. Как не было. Степь. Сухая трава до горизонта. И... — Ермаков замаялся. — Там круг выжженной земли. Идеальный круг. Диаметром метров пятьдесят. Трава внутри круга не сгорела, она... рассыпалась. В прах.

Свиридов кивнул. Он ожидал чего-то подобного. Он был одним из немногих в штабе округа, кто читал старые отчёты геодезической партии 1975 года. Те самые отчёты, которые хранились в архиве под грифом «Совершенно секретно» и были списаны в утиль двадцать лет назад как «бред выживших из ума стариков». В них говорилось о «странном свечении над степью», о «неправильной геометрии теней» и о том, что «земля здесь дышит».

Он вспомнил слова своего наставника, генерала в отставке, сказанные много лет назад за рюмкой коньяка: «Есть места на карте, которые лучше оставлять белыми. Не потому, что мы их не изучили. А потому, что они изучают нас».

«Цикл завершается», — эхом прозвучало в голове Свиридова чужая мысль, не принадлежащая ему.

Он вздрогнул и огляделся. Кабинет был пуст.

***

В это же время за тысячи километров от степного блокпоста, в стерильной тишине подземного бункера под Академией наук, академик Виктор Воронцов оторвался от монитора. Его пальцы зависли над клавиатурой. Он только что получил пакет данных с орбитального телескопа «Спектр-РГ».

Данные были аномальными.

Точнее, они были невозможными.

Телескоп зафиксировал гравитационную линзу колоссальной мощности в районе созвездия Лебедя. Линза была статичной, что само по себе противоречило законам физики — гравитационные линзы создаются массивными объектами вроде чёрных дыр или скоплений галактик, а они не могут просто «висеть» на месте относительно Земли при её движении по орбите.

Но это было лишь начало.

Воронцов вывел на экран спектрографический анализ излучения из этой точки. Кривые поглощения и излучения не совпадали ни с одним известным элементом таблицы Менделеева. Это была химия иного порядка. Химия того, что существовало до Большого взрыва или будет существовать после тепловой смерти Вселенной.

А затем компьютер выдал предупреждение: «Обнаружен направленный сигнал».

Воронцов почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он был учёным до мозга костей, скептиком и рационалистом. Он не верил в НЛО и зелёных человечков. Но сейчас он смотрел на данные, которые кричали об обратном.

Сигнал был узконаправленным. Он шёл из той самой точки гравитационной аномалии и был адресован Солнечной системе. Точнее — Земле.

Академик запустил дешифровку. Алгоритмы нейросети замигали красным: «Структура сигнала нелинейна. Математическая модель отсутствует».

Тогда Воронцов сделал то, что сделал бы любой учёный на его месте — он попытался визуализировать сигнал как звуковую волну.

Из динамиков вырвался звук.

Это был тот самый гул.

Тот самый стон.

Та самая «песня», которую слышали солдаты на блокпосту.

Воронцов схватился за край стола так сильно, что побелели костяшки пальцев. Звук давил на барабанные перепонки и на сознание. В нём не было слов в человеческом понимании, но была структура — сложная фрактальная структура мысли нечеловеческого разума.

И сквозь этот шум пробился один-единственный образ, который мозг академика перевёл в понятную форму:

«Мы здесь были всегда».

Воронцов выключил звук и откинулся в кресле. Он посмотрел на фотографию своей семьи, стоявшую на столе: жена и двое детей улыбались ему из солнечной Ялты.

Он знал то, чего не знали другие.

Он знал про метеорит 1975 года.

Он знал про странные исчезновения в этом районе каждые пятьдесят лет (пропавшие экспедиции 1925-го, странные смерти кочевников 1875-го).

Это был цикл.

И он только что завершился снова.

Академик встал и подошёл к бронированному стеклу, отделявшему его лабораторию от реакторного зала. За стеклом мирно гудели машины — вершина человеческой технической мысли.

«Мы здесь были всегда».

Воронцов закрыл глаза.

Он понял страшную правду: человечество — не вершина эволюции. Не венец творения.

Мы — «грызуны», живущие в подвале величественного собора и думающие, что этот подвал и есть весь мир. А хозяева собора просто приходят иногда потравить тараканов перед тем, как провести очередной великий бал или мессу по случаю конца времён.

Воронцов вернулся к компьютеру и начал быстро печатать сообщение своему старому другу из Генерального штаба — полковнику Свиридову. Он должен был предупредить военных о том, что блокпост — это лишь верхушка айсберга. Что аномалия растёт.

Но он не успел нажать «Отправить».

Экран мигнул и погас. Индикаторы питания на системном блоке погасли все одновременно. В бункере наступила абсолютная тишина.

А потом из темноты коридора донёсся звук шагов.

Тяжёлых.

Размеренных.

Сотрясающих пол.

Академик медленно повернулся к двери своего кабинета. Дверь была сделана из броневой стали и запиралась на магнитный замок с кодом доступа по сетчатке глаза.

Замок начал светиться тусклым оранжевым светом от чудовищного нагрева изнутри.

Металл заскрипел и начал деформироваться, словно пластилин в руках невидимого гиганта.

Воронцов попятился к стене, прижимая к груди флешку с данными.

Дверь с грохотом вылетела внутрь кабинета.

На пороге стоял человек?

Нет.

Это был силуэт человека, сотканный из переплетения теней и звёздного света. Его глаза были двумя провалами в бездну космоса. Он не вошёл в комнату — он «влился» в неё, заполняя пространство своим присутствием так плотно, что воздух стал густым и вязким.

Существо посмотрело на академика без злобы или интереса. Так энтомолог смотрит на редкий экземпляр бабочки перед тем, как поместить его в коллекцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.